

I Историческая ситуация

Россия и начало первой мировой войны

«Его Императорское Величество приказывает перевести армию и флот на военное положение и призвать на действительную военную службу призывников и лошадей... 18 июля считать первым днем мобилизации»¹. Эта историческая телеграмма, превратившая первую мировую войну в реальность, была отправлена с Центрального телеграфа Санкт-Петербурга в самые отдаленные концы Российской империи 17 июля 1914 г. На рассвете следующего дня петербургские полицейские уже начали разносить призывные повестки по домам резервистов, а группки встревоженных граждан толпились у составленных в резких выражениях мобилизационных прокламаций красного цвета, которые были расклеены на всех углах в течение ночи. «Во исполнение высочайшего повеления... нижним чинам запаса... явиться в участковые полицейские управления столицы, по месту своего жительства, на второй день мобилизации, в субботу 19 июля, в 6 часов утра для отправления на соответствующий сборный пункт»². Этот ошеломляющий приказ поставил в тупик транспортные службы, коммерческие фирмы и промышленные предприятия, которые должны были произвести окончательный расчет с тысячами призывников, имевших всего 24 часа для устройства личных дел.

Реакция русского населения на мобилизацию или по крайней мере ее внешнее проявление должна была ободрить царя Николая II. Действительно, в сельских районах России крестьяне восприняли призыв в армию с долей фатализма, хотя и без особого энтузиазма. А вот горожане, например в Петербурге и Москве, встретили объявление о мобилизации взрывом патриотизма, который сопутствовал известиям о начале войны и в других европейских столицах. В первые дни призыва на главных улицах Петербурга прошли военные парады и демонстрации в поддержку войны, причем лишь относительно небольшое число призывников пыталось уклониться от воен-

ной службы. В воскресенье 20 июля, на следующий день после объявления войны Германией, несколько тысяч чиновников высших степеней судебных, гражданских и военных ведомств, одетых в парадную форму, собрались в Зимнем дворце. Они стали свидетелями церемонии, во время которой Николай II перед «чудотворной» иконой Казанской Богоматери повторил клятву, данную Александром I в 1812 г., — не заключать мира до тех пор, пока с русской земли не будет изгнан последний чужеземный солдат. Во время этого торжественного акта ликующие толпы студентов, горожан и даже рабочих с флагами, хоругвями, иконами и портретами царя собрались на Дворцовой площади, где почти десятью годами раньше, и тоже в воскресенье, правительственные войска расстреляли мирную демонстрацию трудящихся *. Британский специалист по истории дореволюционной России Бернард Пэрз пишет, что, увидев Николая II на балконе дворца, толпа пала на колени и запела «Боже, Царя храни» с невиданным ранее воодушевлением ³.

В то роковое лето 1914 г. лишь немногие русские до конца осознавали, какие последствия может иметь война для их страны. Действительно, в январе 1913 г. Ленин писал Максиму Горькому: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие» ⁴. В феврале 1914 г. министр внутренних дел в отставке консерватор П. Н. Дурново, находившийся в противоположной части политического спектра, предупреждал царя в замечательном по своей пророческой силе меморандуме, что основное бремя войны между Антантой и странами германского блока ляжет на Россию, что в военнопromышленном отношении Россия к такой войне совершенно не готова и что «социальная революция в самых крайних ее проявлениях» и «беспросветная анархия, исход которой не поддается даже предвидению», будут неизбежным результатом проигранного сражения ⁵. Более того, накануне войны талантливый организатор русской промышленности граф Витте также предостерегал царя, что Россия менее готова к войне, чем в 1904 г. ⁶ Однако к началу войны подобный реализм в России стал так же редок, как и в других европейских государствах.

Начало первой мировой войны для России пришлось

* Имеется в виду расстрел мирной демонстрации на Дворцовой площади в Петербурге 9 января 1905 г. — *Ред.*

на чрезвычайно неподходящий этап ее экономического и социального развития. Несмотря на то что к 1914 г. Россия уже стала на путь превращения в развитую промышленную державу, ее экономика не была сориентирована на обеспечение продолжительной войны в современных условиях. Хотя широкомасштабные сельскохозяйственные реформы, начатые премьер-министром Столыпиным в 1906 г., и внесли существенный вклад в решение многовековой аграрной проблемы, эффективной и безотказной системы производства и распределения продовольствия еще не было создано. Более того, начало войны застало страну в процессе коренных перемен. После отмены крепостного права в 1861 г. социальное и экономическое значение помещиков постоянно снижалось, однако буржуазия, которой предстояло стать опорой современного индустриального общества, была еще относительно слаба. Создание класса крепких независимых крестьян, задуманное Столыпиным, еще не завершилось, а быстро растущий численно русский пролетариат еще не добился значительных экономических завоеваний, которые сумели умерить революционный пыл европейского рабочего в конце XIX — начале XX века. В этой связи уместно заметить, что спад забастовочного движения, наблюдавшийся в России после революции 1905 г., был прерван массовым расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках весной 1912 г., который дал толчок к росту выступлений пролетариата, продолжавшемуся вплоть до войны. Действительно, за несколько недель до объявления войны всеобщая забастовка, начавшись в Баку, распространилась благодаря большевикам на Петербург. В течение нескольких дней почти все столичные промышленные предприятия и коммерческие фирмы были закрыты, а между бастующими рабочими и правительственными войсками разгорелись настоящие уличные бои. Только 15 июля, за четыре дня до начала войны, в индустриальных районах Петербурга был полностью восстановлен порядок ⁷.

В период первой мировой войны Россия переживала не менее критический момент и в сфере модернизации своей политической системы. Примерно в начале века невыносимые политические, социальные и экономические условия, господствовавшие в стране, способствовали возникновению в среде русской интеллигенции социал-демократического, социалистического революционного и либерального движений. Каждое из них ставило перед со-

бой целью борьбу за проведение революционных перемен. Устремления этих трех направлений по преобразованию России значительно отличались друг от друга, более того, даже внутри этих движений не было полного согласия относительно путей осуществления революции и ее целей. Так, накануне революции 1905 г. в результате разногласий в марксистском социал-демократическом движении произошел раскол между ортодоксальными меньшевиками и идеологически гибкими большевиками, настроенными более радикально *. Аналогичные фракции правого и левого толка также существовали среди либералов и в неопопулистской партии социал-революционеров. Но все эти несхожие группы и течения внутри них были объединены одним — непримиримостью к сохранению автократии.

После губительного по своим последствиям военного конфликта с Японией 1904—1905 гг. русская интеллигенция впервые смогла вместе с крестьянами и рабочими повести общими усилиями наступление на правительство. Однако революция 1905 г. не дала полной победы ни правительству, ни русской общественности. Несмотря на то что в результате пересмотра основных государственных законов в апреле 1906 г. российская политическая система трансформировалась в ограниченную конституционную монархию с избираемым народом законодательным органом (Думой) **, царь продолжал пользоваться огромными властными полномочиями. Он сохранял всю полноту власти в проведении внешней политики, в военных вопросах и в значительной степени в распределении бюджета; он обладал неограниченным правом вето в отношении всех законов и формировал правительство, которое было подотчетно только ему. В первых двух Думах, избранных на основе широкого, но не прямого и не равного голосования, конституционно-демократическая партия (кадеты), ведущая либеральная политическая организация, возглавляемая известным историком Павлом Милюковым, попыталась преодолеть все эти препоны и создать настоящее парламентское правительство по западным канонам. Однако попытки кадетов

---

* Раскол на большевиков и меньшевиков произошел в 1903 г. на II съезде РСДРП.— *Ред.*

** Российская политическая система так и не завершила эволюцию в конституционную монархию. «Основные законы» сохранили самодержавный принцип, хотя и с известными его ограничениями.— *Ред.*

завершились провалом: в июне 1907 г. Столыпин распустил II Думу и ввел незаконные избирательные ограничения, в результате чего настроения III Думы стали уже более созвучны консервативным идеалам монархии.

Эти конституционные реалии в сочетании с непрекращающимся огромным влиянием ультрареакционных элементов на русское правительство, особенно после убийства Столыпина в 1911 году, ставят под сомнение тезис о том, что события 1905 г. коренным образом изменили русскую политическую жизнь. Однако, несмотря на разочарование русской общественности многими аспектами политической обстановки после событий 1905 г., было бы ошибкой утверждать, что политическая система России не была существенно модернизирована. Действительно, широкие гражданские свободы, данные народу в ходе революции 1905 г., время от времени подвергались ограничениям, но никогда полностью не отменялись. Политические партии впервые получили возможность действовать открыто*; были либерализованы система образования и цензура. Главное же заключалось в том, что в Думе можно было публично высказать любую точку зрения. Кроме того, обладая правом проведения голосования по некоторым статьям бюджета и представления депутатских запросов в адрес министров, Дума могла оказывать скромное, но все же достаточно заметное влияние на политику правительства.

Но не было никаких гарантий, что процесс модернизации мог продолжаться в России мирным путем до бесконечности. Накануне войны царское правительство вновь оказалось перед фактом нарастающего политического и социального кризиса. Впечатляющие успехи большевиков в организации политического забастовочного движения, особенно в Петербурге и Москве, и их победа над более умеренными меньшевиками в привлечении на свою сторону наиболее крупных профсоюзов указывают на рост революционности русских рабочих. В то же время ужасающие проявления глупости, некомпетентности и бессилия правительства, а также усиление влияния реакционных сил довели до предела терпение российской интеллигенции. В избранной в 1912 г. IV Думе большинство депутатов вновь тяготело к конституционной оппозиции.

Для решения необычайно сложных политических и со-

---

* Политические партии, кроме реакционных и консервативных, не были легализованы и после революции 1905—1907 гг.— *Ред.*

циальных проблем и управления огромной империей на пороге XX века России требовались новаторский дух и неисчерпаемая энергия Петра I или по крайней мере политический реализм и гибкость Александра II. Но вместо этого судьбы России находились в руках упрямого и близорукого монарха, который до последней минуты сохранял непоколебимую веру в самодержавие и был не в состоянии не только решить, но даже осмыслить коренные проблемы своего времени. Трагичность ситуации усугублялась тем, что Николай II имел удивительное пристрастие окружать себя посредственными советниками и, как многие слабовольные люди, был под каблуком своей жены императрицы Александры — решительной, слепой в своих предрассудках, склонной к мистике женщины, которая отличалась крайне реакционными политическими взглядами. Безусловно, отсталость монархического режима накануне первой мировой войны существенно снижала вероятность осуществления радикальных перемен в стране без насильственной социальной революции. Тем не менее такую возможность не следует исключать полностью. Ясно одно: в условиях огромного количества нерешенных коренных проблем война стала суровым испытанием для русского общества. Ее раскаты стали погребальным звоном по мирной реформе и, как мы увидим далее, оказали пагубное влияние на характер предстоящей революции. В этом смысле 17 июля 1914 г., когда Николай II уступил призывам своих военачальников и подписал указ о мобилизации русской армии, является одной из самых роковых дат в истории России.

Отношение оппозиции к войне

26 июля 1914 г. депутаты IV Государственной думы собрались в великолепном Таврическом дворце (он был построен Екатериной II для своего фаворита Потемкина), чтобы с сознанием долга утвердить запрошенные правительством военные кредиты. Из всех представленных в Думе партий только трудовики во главе с Александром Керенским и социал-демократы отказались поддержать российскую корону в этом вопросе. Трудовики, представлявшие собой ассоциацию социалистов популистского толка (эсеры бойкотировали III и IV Думы), призывали своих сторонников к защите Отечества. Но чтобы продемонстрировать свое несогласие с политикой

царского правительства, они отказались проголосовать за поддержку военных кредитов. Социал-демократы осудили правительство и покинули Думу до начала голосования по дополнительным ассигнованиям ⁸.

Основным русским оппозиционным партиям было безусловно нелегко определить свое отношение к участию России в войне. Поддержка правительства народом в момент объявления войны вовсе не означала, что правящий режим перестал быть одним из самых отсталых и некомпетентных в истории империи. Однако разве не обязана была оппозиция оказать полную поддержку пусть и такому правительству? Разве не следовало отложить справедливые требования о политических и социальных преобразованиях до успешного завершения борьбы со странами германского блока? Именно к такому выводу в начале войны пришла конституционно-демократическая партия (кадеты). Объявив мораторий на оппозицию монархии на время войны, кадеты примкнули к консервативным и правым партиям Думы в безоговорочной поддержке короны. Позиция либеральных депутатов была выражена в заявлении Павла Милюкова на заседании Думы 26 июля: «...Мы не ставим условий, мы ничего не требуем. Мы просто кладем на весы войны нашу твердую волю победы» ⁹. Когда в 1915 г. некомпетентность царского правительства в ведении войны против Германии и ее союзников уже не вызывала сомнений, думские либералы попытались оказать давление на корону, предложив сформировать правительство, «которое пользовалось бы доверием народа». Но после того как их требования были отвергнуты, они не стали призывать к революции снизу, справедливо считая, что стихийное восстание масс будет одинаково губительно как для победного завершения войны, так и для дела русского либерализма.

Ведущим российским социалистическим организациям — эсерам, меньшевикам и большевикам — выработать единую политику в отношении войны было несравненно труднее, чем либералам. Начало войны вызвало столкновение социалистов всей Европы, поставив их перед выбором между верностью своему государству и приверженностью принципам социалистического интернационализма. Отрекшись от этих принципов, социал-демократические партии Великобритании, Франции, Германии и Австро-Венгрии не устояли перед нарастающим валом национализма и военной лихорадки и, не теряя времени, вместе с прочими партиями одобрили военные

кредиты, запрошенные своими правительствами. Более того, французские социалистические лидеры Гед и Самба, а также бельгиец Вандервельде даже приняли министерские портфели в кабинетах военного времени. Несмотря на то что блок российских социал-демократов в полном составе отказался участвовать в голосовании по военным кредитам, подобного единодушия в отношении военного вопроса в их рядах не было. Война внесла глубокий раскол в среду русских социалистов различной ориентации, разрушив их традиционные группировки, превратив бывших союзников в заклятых врагов и бывших врагов — в союзников.

В целом можно сказать, что в каждой из основных российских социалистических партий появились «оборонческие» фракции, которые выступали за войну подобно большинству европейских социалистов, и «интернационалистские», подход которых к расширению масштабов борьбы более соответствовал миротворческим принципам, принятым в 1907 г. на конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Оборонческие настроения были безусловно сильнее среди эсеров и меньшевиков, чем в рядах большевиков. В конце лета 1914 г., когда противоборствующие армии вели бои на востоке и западе Европейского континента, некоторые находившиеся за границей лидеры эсеров и меньшевиков (многие из них были ветеранами царских тюрем) призвали к прекращению революционной деятельности до тех пор, пока прусский милитаризм не будет сокрушен. Они выступали за участие России в войне не менее решительно, чем либералы. Присущие им в то время поразительная германофобия и непреклонный патриотизм нашли свое отражение в словах патриарха русских марксистов Г. В. Плеханова, которые вскоре после начала войны он якобы произнес в беседе с видным деятелем Итальянской социалистической партии Анжеликой Балабановой: «Что касается меня, если бы я не был стар и болен, то я бы вступил в армию. Мне бы доставило огромное удовольствие проткнуть штыком ваших германских товарищей»¹⁰. Поверив Плеханову на слово, сотни находившихся за границей эсеров и меньшевиков добровольно вступили во французскую армию. Более того, сиюминутные устремления оборонческих фракций эсеров и меньшевиков настолько сблизились, что отдельные представители этих ранее непримиримых группировок сочли возможным сотрудничать в совместных изданиях¹¹.

Интернационалистские фракции российских революционных партий в эмиграции тоже оформились почти сразу же после начала войны. На первых порах они находились в относительной изоляции, однако начали набирать силу после того, как первоначальный военный энтузиазм пошел на убыль. Основными теоретиками интернационалистов в рядах эсеров и меньшевиков были соответственно Виктор Чернов¹² и Юлий Мартов. И тот и другой решительно осуждали вооруженную борьбу в Европе. Они считали победу любой из воюющих сторон в равной степени губительной для дела международного социализма и направляли свои усилия на организацию массового движения за скорейшее заключение мира без победителей и побежденных.

Нет ничего удивительного в том, что наиболее радикальную из всех антивоенных программ русских социалистов выдвинул лидер большевиков В. И. Ленин. В 1903 г. Ленин навсегда расколол единство русского рабочего движения, проявив фанатическое упорство в реализации своей идеи, заключавшейся в том, что только небольшая по численности, профессиональная и высокоцентрализованная революционная организация способна возглавить российский пролетариат в осуществлении социалистической революции. В отличие от него многие русские социал-демократы выступали за создание массовой, более демократичной по структуре марксистской партии, допускающей сосуществование различных взглядов.

На завершающем этапе революции 1905 г. непреклонный радикализм Ленина проявился в том, что он продолжал разогревать народные массы в России и подготавливать новое восстание даже после того, как они давно перестали реагировать на революционные призывы, а более умеренные меньшевики утратили веру в эффективность активных действий против режима.

В период реакции, перед войной усилия Ленина были направлены на то, чтобы сохранить конспиративный характер и революционную воинственность русского рабочего движения, тогда как многие меньшевики сосредоточили свои усилия на создании действительно массовой рабочей партии и осуществлении реальных экономических реформ через парламентскую и профсоюзную деятельность.

В последние дни августа 1914 г., находясь в Берне, Ленин в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» осудил лидеров II Интер-

национала за предательство социализма и предложил социал-демократам безотлагательно принять лозунг о подготовке революции во всех странах одновременно. Более того, он решительно отмежевался от всех прочих российских группировок интернационалистского толка, заявив, что поражение России в войне с Германией необходимо в качестве средства ослабления монархии ¹³. Резкое осуждение II Интернационала, ставка на гражданскую войну вместо мира и открытая пропаганда поражения России делали программу Ленина крайне экстремистской. С одинаковой беспощадностью она подвергалась критике сторонниками защиты Отечества — меньшевиками и эсерами-интернационалистами. Действительно, даже многие впоследствии видные большевики склонялись не к нетерпимому радикализму Ленина, а к более умеренному интернационализму Мартова. Более того, на международных социалистических конференциях в Циммервальде в августе 1915 г. и Кинтале в апреле 1916 г. ленинские резолюции по войне были отклонены в пользу более умеренных антивоенных вариантов.

Разногласия между лидерами социалистического движения, остававшимися в России, были точно такими же, как и среди их коллег в эмиграции. По мнению специалиста по истории движения эсеров Оливера Редки, руководство этой партии в равной степени симпатизировало и оборончеству, и умеренному и радикальному интернационализму ¹⁴. Среди меньшевистской верхушки в России было несколько влиятельных сторонников ограниченного оборончества, однако большинство партийных деятелей, включая фракцию меньшевиков в Думе, проводило политику умеренного интернационализма. Несмотря на свое официальное неприятие войны и нарастающую открытую враждебность царскому режиму, они воздерживались от саботажа военных усилий правительства. Антивоенная позиция петербургских большевиков проявилась даже в решении сохранить наименование «Петербургский комитет», после того как в конце августа 1914 г. названный на немецкий лад Санкт-Петербург был поспешно переименован в Петроград. Начиная с осени 1914 г. часть подпольных комитетов большевиков, руководство которыми в достаточно свободных рамках осуществлялось Лениным через Русское бюро РСДРП, направила свои усилия на создание в народных массах антивоенных и антицарских настроений,

а также на возобновление забастовочной борьбы. Однако в первые месяцы войны единственным результатом этих усилий стали жесткие репрессии со стороны правительства¹⁵. Как и пролетарии всей Европы, русские рабочие, включая рядовых эсеров, меньшевиков и большевиков, поддерживали военную политику своего государства *.

Россия в войне

Начало военных действий в 1914 г. застало русскую армию совершенно не подготовленной к испытанию войной. Казавшиеся неисчерпаемыми людские ресурсы и исключительная отвага русских солдат не могли компенсировать катастрофическую нехватку орудий и боеприпасов, рутинность систем снабжения и здравоохранения, дезорганизованность и крайне недостаточную компетентность высшего командования, а также — и это, вероятно, самое главное — ужасающую неспособность руководства осуществить необходимую модернизацию. Тем не менее первый этап мобилизации в России был проведен намного быстрее, чем предполагал противник или смели надеяться сами русские. Кроме того, безусловно большое значение имело стремительное вторжение русских войск в Восточную Пруссию в середине августа 1914 г., поскольку оно позволило французам одержать первую решительную победу в Марнском сражении, которая спасла Париж. Однако уже в конце августа и начале сентября 1914 г. русские войска потерпели сокрушительные поражения под Танненбергом и в районе Мазурских озер. Проходившее одновременно наступление русских на южном направлении в Галиции было более успешным. Начало зимы 1915 г. застало российскую армию на южных склонах Карпатских гор. Но весной австро-германские войска перешли в наступление, в результате которого осенью 1915 г. весь фронт был отодвинут в среднем на 200 миль **. Более того, хотя на первых порах кампания 1916 г. в Галиции, искусно проведенная генералом Брусиловым, и вселила определенные надежды, огромные потери русской армии (более миллиона человек) не шли ни

---

* Автор упрощенно излагает вопрос об отношении рабочего класса России к войне: несмотря на шовинистическую волну в начале войны, антивоенные выступления были характерны для сознательной, революционной части русских рабочих.— *Ред.*

** 1 миля равна 1,609 км.— *Ред.*

в какое сравнение со скромными успехами стратегического характера.

Приняв всё это во внимание, нельзя удивляться тому, что к осени 1916 г. патриотический запал русских солдат в значительной степени иссяк и разложение армии пошло полным ходом. Вследствие увеличения поставок русская армия была оснащена лучше, чем прежде, однако невозможно было заменить тысячи офицеров и унтер-офицеров, погибших в начале войны. К этому времени огромная военная машина России состояла главным образом из наспех обученных, недисциплинированных новобранцев, преимущественно крестьян, которых мало интересовало, за что их призвали сражаться¹⁶. Нельзя обойти и тот факт, что уже зимой 1914 г. заметно возросло число отказов участвовать в боевых действиях, дезертирства и массовой сдачи в плен противнику, что отрицательно сказывалось на боеспособности русской армии. А после неудач 1915 г. подобные инциденты достигли огромных масштабов. Результаты ошеломительного наступления Брусилова показали, что подавляющая часть русской армии устала от войны, недовольна командованием, не верит правительству и в целом готова к мятежу. «В армии, в ее солдатском составе растут недовольство и недоверие к офицерству», — докладывал один из ведущих русских генералов председателю IV Думы М. В. Родзянко в январе 1917 г. «Армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок... При таких условиях... — сообщал генерал в заключение, — армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения»¹⁷.

Разложение подобного рода имело место и среди частей Петроградского гарнизона. Начиная с 1687 г., когда Петром I был создан Преображенский полк — первая часть придворной гвардии, эти привилегированные, специально подготовленные войска традиционно служили оплотом короне. Будучи еще молодым великим князем, Николай II сам служил в одном из гвардейских полков, а во время революции 1905 г. гвардейцы использовались для подавления восстания не только в столице, но и в Москве, в Прибалтике и на объектах императорского флота¹⁸. Однако на третий год первой мировой войны воинские части, размещенные в столице и ее пригородах, включая гвардейские полки, были полностью укомплектованы новобранцами военного призыва, главным образом крестьянами, которым была чужда военная дисциплина и которые больше всего на

свете хотели вернуться домой. Постоянные контакты с фронтовыми частями и мятежными рабочими способствовали падению их боевого духа. Уже в декабре 1915 г. полиция Кронштадта докладывала, что «войска в настоящее время против рабочих не пойдут и помогут разделиться с правительством»¹⁹. О том, что Петроградский гарнизон перестал быть надежным орудием монархии, как в 1905 году, свидетельствовал случай, произошедший в середине октября 1916 г., когда несколько сот солдат 181-го пехотного запасного полка, расквартированного в рабочем Выборгском районе, помогли бастующим рабочим автомобильного завода «Рено» отразить нападение полиции. Петроградские власти не оставили без внимания тот факт, что связи между солдатами и недовольными рабочими подрывают благонадежность гарнизона, и в конце декабря 181-й пехотный полк был переведен из столицы. Тем не менее взаимодействие между рабочими и остальными частями гарнизона сохранилось²⁰.

Небезынтересно отметить, что после почти трех лет войны катастрофическое падение боевого духа было свойственно не только русской армии. Бессмысленное кровопролитие под Верденом и на Сомме пошатнуло решительность также английских и французских войск. Однако для русских ситуация была более трагичной, потому что деградация морального состояния на фронте сочеталась с политическим бессилием и экономическим распадом в тылу. В России было не суждено появиться своим Ллойд Джорджу или Клемансо, которые, преодолев растущие пораженческие настроения, смогли бы объединить всю нацию для решительных действий. Вспомним, что после начала войны значительная часть русских общественных движений объявила мораторий на политическую оппозицию и изъявила готовность верноподданно оказать поддержку правительству. «Эта вторая война за национальное выживание,— вспоминал А. Ф. Керенский,— предоставила царю уникальную возможность протянуть народу руку дружбы, тем самым обеспечить победу в войне и укрепить монархию на многие годы вперед»²¹.

Если дела обстояли действительно так, то шанс был упущен с самого начала. Рассматривая любое проявление общественной инициативы как подрывную акцию, русское правительство, возглавляемое постепенно впадающим в старческий маразм И. Л. Горемыкиным, сделало все возможное, чтобы в зародыше подавить целый ряд заслуживающих внимания устремлений, включая пред-

ложения Всероссийского земского и Всероссийского городского союзов по повышению боеспособности через мобилизацию промышленности, оказание помощи беженцам и реорганизацию системы здравоохранения. Сама по себе такая политика царского правительства не была бы губительной, если хотя бы некоторые из принимаемых им мер были успешными. Однако когда ужасные провалы на фронте и явные просчеты в управлении тылом стали широко известны, правительство попало под огонь критики не только со стороны старой политической оппозиции, но и консервативных депутатов Думы, которые прежде относились к числу его ярых сторонников.

В книге «История второй русской революции» Павел Милюков писал, что впервые лидеры Думы открыто выразили серьезные сомнения по поводу действий монархии после встречи с членами правительства 25 января 1915 г.²² Критика правительства неизбежно приобрела более широкий размах в связи с массовым отступлением войск в 1915 г. Весной того же года под давлением общественности правительство пошло на некоторые уступки в пользу проведения реформ, согласившись на создание сети частных военно-промышленных комитетов по содействию правительственным оборонным мероприятиям и особым совещаний, в задачу которых входила координация усилий правительства и частного сектора в таких сферах, как национальная борьба, транспорт, поставки топлива и продовольствия. Более того, в июне по требованию общественности были вынуждены уйти в отставку четыре самых реакционных царских министра, которых заменили гораздо более квалифицированные государственные деятели. Однако на посту Председателя Совета министров по-прежнему оставался Горемыкин. Это отчасти послужило причиной создания летом 1915 г. коалиции центристских партий в Думе (так называемый «Прогрессивный блок»), первым требованием которого стало формирование правительства, «пользующегося доверием нации». Безусловно, русская общественность в основном разделяла умеренную программу «Прогрессивного блока», включавшую не только требование о заменах в правительстве, но и призывы о необходимости проведения более терпимой религиозной и национальной политики, амнистии политических заключенных и снятия запрета на деятельность профсоюзов. Эта программа казалась вполне разумной и некоторым наиболее дальновидным членам кабинета министров. Однако Горемыкин упрямо

стоял на своем и в сентябре 1915 г. добился монаршего разрешения распустить Думу на каникулы.

Усиление антиправительственных настроений в обществе было не единственным результатом неудач русской армии в 1915 г. С начала войны пост главнокомандующего на фронте занимал дядя царя великий князь Николай Николаевич. Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что он не соответствовал столь высокому посту. Однако несравнимо более тяжелые последствия имело решение, принятое в связи с этим Николаем II. По совету своей жены и беспринципного авантюриста Распутина в конце августа 1915 г. царь покинул столицу и принял командование отступающими войсками. В результате этого вдвойне неудачного решения он не только превратился в мишень для критики за быстро ухудшающееся положение на фронте, но и доверил судьбу правительства реакционной придворной камарилье во главе с императрицей и ее ближайшим советником Распутиным. Скандальные политические махинации, ставшие в Петрограде обычным явлением, не имеют аналогов в современной истории. По воле императрицы и Распутина замены членов кабинета министров производились с умопомрачительной частотой; В. М. Пуришкевич, думский депутат правого толка, метко назвал это явление «министерской чехардой». Первыми вынуждены были уйти в отставку практически все относительно компетентные министры, назначенные только в июне; их сменила целая вереница ничтожеств и авантюристов. В январе 1916 г. наконец-таки был освобожден с поста премьер-министра Горемыкин, однако его преемником стал пресловутый Борис Штюрмер, придворная марионетка, который, по выражению одного из своих близких сотрудников, «по своему умственному развитию, и по возрасту, и, может быть, по состоянию здоровья едва ли мог давать серьезное направление политике»²³.

Трагизм этой нелепой политической ситуации усиливался стремительным падением экономики страны. Для Петрограда, Москвы и других промышленных центров война вылилась в острый дефицит жилья, продовольствия, одежды и топлива, который особенно усилился в последние месяцы 1916 г. До некоторой степени это объяснялось не столько снижением объема производства, сколько недостатками системы распределения. Из-за быстрого обесценения бумажных денег крестьяне не могли приобретать промышленные товары и вследствие этого

отказывались вывозить зерно. В результате истощения рынка увеличивался разрыв между заработной платой и стоимостью жизни. Наиболее тяжелым бременем инфляция легла на плечи рабочих, что тут же проявилось в новом взрыве забастовочного движения в 1915—1917 гг. Инфляция также серьезно отразилась на городской буржуазии. Несмотря на то что в экономическом отношении село пострадало меньше, чем город, подавляющее большинство крестьян, военные потери среди которых были наиболее тяжелыми, выступало за скорейшее прекращение войны. Итак, к зиме 1916 г. к критической черте подошла значительная часть населения России — полностью деморализованный солдат, отчаянно пытающийся добыть средства к существованию рабочий, всеми путями уклоняющийся от призыва в армию крестьянин и даже городская домохозяйка, вынужденная на жестоком морозе выстаивать бесконечные очереди, и зачастую безрезультатно, за хлебом и другими предметами первой необходимости ²⁴.

Правительство было прекрасно осведомлено о росте народного возмущения. Будучи не в силах остановить расширяющийся экономический кризис, оно шло на все, чтобы укрепить свои собственные позиции. Тяжесть ситуации была также очевидна для прогрессивных кругов Думы, однако, опасаясь спровоцировать взрыв народного гнева, они не могли пойти на какие-либо решительные меры. Остро назревшая необходимость политических перемен признавалась всеми, возможность дворцового переворота в открытую обсуждалась и при дворе, и в Думе, и среди военного командования. Таким образом, в 1916 г. в России начались своего рода «скачки», ставки на которых делались на дворцовый переворот или на революцию снизу.

Назначение министром внутренних дел ставленника Распутина А. Д. Протопопова в сентябре 1916 г. было воспринято как еще одно публичное оскорбление Государственной думы. В момент своего назначения член праволиберальной партии октябристов и бывший вице-председатель Думы Протопопов был на грани безумия и даже не мог внятно изъясняться. Презрение к императрице и Распутину приобрело всеобщий характер, а на фоне ухудшающихся известий из районов боевых действий люди все более верили в совершенно безосновательные слухи, что двор якобы продает страну немцам. На заседаниях Думы, проходивших с 1 ноября по 16 декабря 1916 г.,

депутаты подвергли правительство беспрецедентным по своей прямоте нападкам. Так, в день открытия заседаний Павел Милюков в язвительном тоне перечислил все неудачные решения правительства, упомянув по имени императрицу и Штюрмера, причем его каждое обвинение завершалось вопросом: «Это глупость или измена?» Несмотря на то что цензура не допустила публикации этого яркого выступления в газетах, оно было размножено в миллионах экземпляров и стало известно всей России²⁵. В ответ верховная власть все же проявила здравый смысл, сместив Штюрмера с поста Председателя Совета министров, однако назначенный на его место крайний консерватор А. Ф. Трепов также не мог реально улучшить ситуацию. Убийство Распутина представителями дворянства в декабре того же года было встречено с ликованием всеми, кроме императрицы, но и это лишь незначительно снизило невероятно напряженную обстановку в Петрограде. Закончились необычайно морозные рождественские праздники, а правительство, как будто в ослеплении, продолжало свой гибельный курс. «Впечатление,— вспоминал Милюков,— что страна живет на вулкане, было у всех»²⁶.

Падение монархии²⁷

Начало нового, 1917 г. ничем не отличалось от конца 1916-го: трескучие морозы и сумасшедшие цены, забастовки и голодные бунты. Командование Петроградского военного округа с удвоенной энергией приступило к приведению в боевую готовность сил гарнизона и полиции на случай возможных массовых беспорядков. В этих целях были разработаны детальные планы подавления любых крупных волнений. Кроме того, в стратегически важных точках по всему городу были размещены пулеметные гнезда. Ярким проявлением пролетарской солидарности стала забастовка 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья, в которой приняли участие более 150 тысяч петроградских рабочих. Некоторые из бастующих заводов прекратили работу впервые с 1905 г. Не менее важным фактом представляется и то, что наблюдавшие за демонстрацией рабочих солдаты, по свидетельству очевидцев, отдавали под козырек и приветствовали проносимые мимо них красные знамена с революционными лозунгами.

В день открытия заседаний Думы, 14 февраля, политическую забастовку объявили уже около 60 петроградских предприятий, а сотни студентов университета, несмотря на угрозы полиции, прошли по Невскому проспекту, распевая революционные песни. 22 февраля на грани отчаяния оказались 30 тысяч рабочих гигантского Путиловского завода, администрация которого объявила локаут на неопределенный период времени. А 23 февраля, в Международный женский день, волнения, начавшиеся среди домохозяек в длинных хлебных очередях, вылились в спонтанные уличные демонстрации с требованиями свержения монархии и окончания войны. Так незапланированно и даже неожиданно для каждой из российских революционных партий начался взрыв народного возмущения.

При изучении революционных событий 1917 г. в Петрограде нельзя забывать, что за более чем 200 лет со времени основания Петром I столица Российской империи, как и Париж, превратилась в город, строго разделенный по социальному и экономическому признакам. Центральные районы города, включая южную часть Васильевского острова и так называемую Петербургскую сторону на правом берегу Невы, а также большую часть левого берега реки вплоть до Обводного канала, были в основном местом проживания высшего и среднего классов, тогда как большинство заводских рабочих жили и работали в промышленных пригородах.

Центр города по праву гордился роскошными дворцами царской семьи и высшей аристократии, величественными зданиями, служившими оплотом имперской бюрократической машины, импозантными Исаакиевским и Казанским соборами, гранитными набережными реки и каналов, которые в ансамбле делали Петроград одной из красивейших европейских столиц. Здесь также располагались центры русской культуры: Императорский Мариинский театр, Императорский Александринский театр, Петербургская консерватория. Кроме того, в центральной части города на левом берегу Невы находились столичные банки, учреждения и наиболее комфортабельные жилые кварталы, которые, если идти от Адмиралтейства — «сердца города», — нисходили по качественному признаку от аристократических дворцов к многоквартирным домам, занимаемым людьми интеллигентного труда и более низкими слоями среднего класса горожан. От здания Адмиралтейства, шпиль

которого горделиво возвышался над столицей, начинался Невский проспект — самый широкий и шикарный проспект Петрограда, а вдоль набережной на другой стороне Невы, в восточной части Васильевского острова выстроились здания Петербургского университета, Российской Академии наук и Академии художеств — трех символов достижений России в образовании, научной и художественной сферах, а также здание Биржи.

Основные промышленные предприятия Петрограда размещались кольцом вокруг центральной части города — в Нарвском, Московском и Александро-Невском районах на левом берегу Невы, а также в глубине Васильевского острова, в Охтинском и Выборгском районах на правом берегу реки. Эти районы получили развитие на первых этапах индустриализации России, когда земли вблизи рек и каналов были еще относительно дешевы и доступны. Здесь, зачастую в грязных и переполненных, построенных наспех многоэтажных кирпичных бараках и деревянных лачугах, втиснутых между черными от сажи фабричными зданиями, проживала основная часть 350-тысячного петроградского пролетариата.

Жители этих двух частей города встречались друг с другом крайне редко. Впервые петроградские рабочие дали выход своей злобе по отношению к привилегированным классам во время революции 1905 г., когда ими были заняты центральные районы российской столицы. И вот 23 и 24 февраля 1917 г., подобно огромной волне, тысячи рабочих с развевающимися красными знаменами, минуя охраняемые мосты, через замерзшую Неву вновь вторглись в центр города, чтобы продемонстрировать свою мощь. К 25 февраля взрыв народного гнева приобрел всеобщий характер. Издание газет прекратилось, общественный транспорт остановился, а студенты бросили учебу и присоединились к уличным демонстрациям.

Ситуация стала по-настоящему угрожающей для правительства, когда казаки, направленные на подавление волнений, вместо этого проявили сочувствие к восставшим рабочим. Получив от находившегося в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве царя телеграмму с приказом «завтра же прекратить в столице беспорядки», главнокомандующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов отдал распоряжение войскам открывать огонь по толпам, отказывающимся расходиться. В знак протеста против этого приказа на следующий день, 26 февраля, в воскресенье, восстал

одна из рот Павловского полка. Волынский гвардейский полк все же открыл огонь по демонстрантам, но, вернувшись в казармы, солдаты отказались участвовать в последующих действиях против мирного населения. Правительство, явно не осознавая своего полного бессилия в создавшейся обстановке, приняло решение распустить Думу до апреля. Однако на следующее утро депутаты проявили гораздо больше реализма при оценке надвигающегося хаоса и отказались прекратить свою работу. Для восстановления порядка они сформировали Временный комитет, в состав которого вошли представители «Прогрессивного блока» и два депутата более левого толка — трудовик А. Ф. Керенский и лидер меньшевиков Н. С. Чхеидзе.

Почти одновременно с этим 27 февраля некоторые члены рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, которых только что освободили из заключения (11 членов рабочей группы комитета были арестованы 26 января 1917 г. по подозрению в революционной деятельности), несколько думских депутатов-социалистов, а также представителей профсоюзного и кооперативного движения встретились в другом зале Таврического дворца. Начав работу по воссозданию Совета по модели, опробованной во время революции 1905 г., они избрали организационный комитет для созыва Совета рабочих депутатов в Петрограде. Объявление о предполагаемом вечернем заседании Совета было немедленно разослано по всем заводам, и именно на этом заседании 27 февраля официально оформились Петроградский Совет рабочих депутатов и его Исполком. В последующие месяцы аналогичные институты народного самоуправления были учреждены по всей России.

Решающий момент февральских событий наступил в тот же день 27-го после того, как сначала Волынский, а затем части Преображенского и Литовского гвардейских полков присоединились к уже по-настоящему разгоревшейся революции. При встречах с восставшими частями эти полки, формально еще подчинявшиеся правительству, просто-напросто уходили в сторону, и только отдельные группы офицеров и полицейских оказывали им серьезное сопротивление. Коренное отличие февральских событий 1917 г. от революции 1905 г. заключалось именно в массовом дезертирстве частей гарнизона. К вечеру 27 февраля в руках повстанцев был практически весь Петроград, включая Главный арсенал

и Петропавловскую крепость. Несколько тысяч солдат и офицеров, оставшихся под командованием генерала Хабалова, заняли позиции в районе Адмиралтейства и Зимнего дворца в ожидании поддержки из Могилева и от частей Северного фронта. Однако ни те ни другие в столицу не прибыли, и, когда части Хабалова на следующий день мирно разошлись по домам, Февральская революция в Петрограде была почти завершена. 28 февраля стало поворотным моментом революции в Москве и Кронштадте, где матросы свели старые счеты со своими командирами, убив начальника порта и 50 наиболее ненавистных им офицеров²⁸. К этому времени царский режим настолько прогнил, что активное сопротивление с его стороны практически отсутствовало.

Сначала некоторые либеральные депутаты Государственной думы, в том числе лидер кадетов Павел Милюков, надеялись сохранить подобие преемственности с прошлым режимом, объявив конституционную монархию с правительством, назначаемым избранным всем народом парламентом. Но для такого решения вопроса революция зашла уже слишком далеко. Уступив неизбежному, 2 марта Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила. Тот же, может быть, втайне надеясь спасти свою собственную жизнь, а может быть, верно оценивая тщетность попыток сохранить монархию, тоже отказался от престола, по крайней мере до созыва Учредительного собрания. Таким образом, более чем 300-летнему правлению Романовых пришел бесславный конец.

С момента своего образования Исполком Петроградского Совета довольствовался функцией стража революции и не проявлял интереса к соперничеству с Временным комитетом Думы, выступавшим в качестве законного правительства России*. Отчасти это объясняется причинами идеологического характера. Дело в том, что преобладавшие в Исполкоме меньшевики придерживались ортодоксального марксистского утверждения, согласно которому после «буржуазной революции» (в данном случае это, по-видимому, — свержение самодержавия) неизбежно должен был начаться неопределенный по

---

* Временный комитет Государственной думы был избран 27 февраля 1917 г. на частном совещании членов распущенной царем Думы и формально не был и не мог быть «законным правительством» России. Он по соглашению с Исполкомом Петроградского Совета сформировал первое Временное правительство. Утром 3 марта в газетах были опубликованы его декларация о составе и программа деятельности.— *Ред.*

продолжительности период либерального буржуазного правления. Представители партии эсеров в Исполкоме не имели столь жестких идеологических ограничений относительно взятия власти в свои руки, но, как и многие меньшевики, они большей частью сознавали свою организационную слабость и стремились направить всю высвободившуюся энергию нации на оборону страны и защиту от контрреволюции. В результате 1 марта большинством голосов Исполком Петроградского Совета предоставил Думе полномочия для формирования Временного правительства, ограничив их определенными политическими рамками. В то же время было принято решение о том, что социалисты не должны поступаться своими принципами и подрывать свои позиции в массах получением министерских постов в либеральном правительстве.

На следующий день Временному комитету Думы и Исполкому Совета удалось путем компромисса выработать совместную политическую программу, после чего было сформировано Временное правительство во главе с председателем Всероссийского Земского союза князем Г. Е. Львовым. П. Н. Милюков был назначен министром иностранных дел, лидер партии октябристов А. И. Гучков — военным и морским министром, а неутомимый оратор А. Ф. Керенский — министром юстиции. Приняв министерский портфель, Керенский — член партии трудовиков, тем самым пренебрег решением Исполкома Совета о неучастии социалистов в правительстве.

Согласованная 2 марта и утвержденная новым правительством программа предусматривала целый ряд мероприятий, включая полную амнистию политических заключенных, широкие гражданские права и равенство всех граждан перед законом. Предполагалось немедленно начать подготовку к созыву избираемого всеобщим голосованием Учредительного собрания, которому предстояло определить будущую форму правления в России. Было решено не разоружать все участвовавшие в революционном движении воинские части и не выводить их из Петрограда, причем всем солдатам, не находившимся при исполнении своих обязанностей, гарантировались гражданские права в полном объеме. Декларация с изложением этой программы была опубликована поздно вечером 2 марта. Однако прежде всего из-за разногласий между депутатами Думы и представленными в Совете социалистами программа не затрагивала такие

жизненно важные вопросы, как война и перераспределение земли. Тем не менее намерения нового правительства вскоре прояснились: отложить решение земельного вопроса и другие крупные реформы до созыва Учредительного собрания и одновременно продолжать войну «до победного конца».

Разногласия между Временным правительством и Советом в вопросах земли и войны не стали сюрпризом. Временное правительство состояло главным образом из либералов, ведущих представителей умеренного направления российской оппозиции. Многие из них выдвинулись на первые роли в созданных Александром II земских органах местного самоуправления и в Думе. Будучи страстными патриотами России, они одновременно ощущали близость к западной демократии, надеясь перенять эту политическую систему. Поэтому нет ничего удивительного в том, что огромное значение для них имело соблюдение революционной Россией обязательств перед Антантой. По этой же причине они считали, что новая российская политическая система должна создаваться исключительно на законном основании и с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы предотвратить ее уничтожение поднявшейся революционной волной. В Петроградском Совете, а затем и на Всероссийском съезде Советов преобладали умеренные социалисты, эсеры или меньшевики (большевики получили большинство в Петроградском Совете только в конце лета). Несмотря на свою уверенность в необходимости неограниченного по времени периода либерального правления, они тем не менее выступали за скорейшее проведение коренных социальных реформ. Более того, хотя подавляющее большинство эсеров и меньшевиков в конечном счете занимало оборонческие позиции (теперь эта политика именовалась «революционное оборончество»), практически они были более интернационалистами, чем либералы, и продолжали настаивать на немедленном проведении переговоров о мире без победителей и побежденных.

Итак, сформированное 2 марта 1917 г. Временное правительство получило официальную поддержку Совета. А как складывались их взаимоотношения на деле? Более радикально настроенный Исполком Петроградского Совета из-за постоянного давления со стороны своих избирателей часто выступал в качестве сторожевого пса по отношению к Временному правительству, вмешиваясь в его дела, а иногда и узурпируя его полномочия.

Существовавшая структура власти была неустойчивой. Хотя кабинет Львова формально и признавался высшей исполнительной властью, Совет, несмотря на его нежелание брать власть в свои руки, оставался гораздо более мощной силой благодаря поддержке рабочих и политизированных армейских частей. Столь шаткое положение неизбежно должно было вылиться и вылилось в глубокий кризис государственной власти, усиливавшийся многими политическими, социальными и экономическими проблемами, решение которых не могло дожидаться созыва Учредительного собрания, невозможностью продолжать войну без поддержки основной части населения, а также расширяющейся подрывной деятельностью большевиков.

Примечания

¹ Цит. по: *Schmitt B. E. The Coming of the War. 1914: 2 vols. New York: Charles Scribner's Sons, 1930. Vol. 2. P. 245.*

² Новое время. 1914. 19 июля.

³ *Pares Bernard. The Fall of the Russian Monarchy. New York: Vintage Books, 1961. P. 187.*

⁴ Ленинский сборник. Т. 1. М., 1924. С. 131. (См. также: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155.— Ред.*)

⁵ *Golder Frank A. Documents of Russian History. 1914—1917. New York: Century, 1927. P. 3—23.*

⁶ *Von Laue Theodore H. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia: Lippincott, 1964. P. 79.*

⁷ *Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905—1917 // Slavic Review. XXIII. № 4 (1964). P. 620—642, и XXIV. № 1 (1965). P. 1—22.* Содержит убедительный анализ революционной ситуации среди российских рабочих накануне первой мировой войны. См. также: *Балабанов М. От 1905 к 1917: массовое рабочее движение. М.; Л., 1927. С. 275—327.*

⁸ *Gankin O. H. and Fisher H. H. The Bolsheviks and the War: The Origins of the Third International. Stanford: Stanford University Press, 1940. P. 134.*

⁹ *Милюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917: В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 191; см. также: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 395.— Ред.*

¹⁰ *Baron Samuel H. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford: Stanford University Press, 1963. P. 324.*

¹¹ *Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 182—184.*

¹² Детальный анализ программы эсеров-интернационалистов приводится в работе: *Radkey Oliver H. The Agrarian Foes of Bolshevism. New York: Columbia University Press, 1958. P. 103—113.*

¹³ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1—7.— Ред.*

¹⁴ *Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism. P. 90—91.*

¹⁵ Так, в начале ноября 1914 г. полиция разгромила совещание лидеров большевиков, проводившееся в пригороде Петрограда для

обсуждения ленинских тезисов и формирования политики в отношении войны. Ряд его участников, включая пятерых депутатов-большевиков в Думе, были в конечном счете арестованы, осуждены и сосланы в Сибирь. (См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной Думе. М., 1954. С. 369—419.)

¹⁶ В ходе первой мировой войны Россия отправила на фронт порядка 15 миллионов человек. По данным русского Генштаба, на 1 мая 1917 г. общее число потерь русской армии, включая убитых, раненых, взятых в плен и пропавших без вести, составляло 66 154 офицеров и 6 226 005 солдат (см.: *Яковлева Я. А.* Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 111).

¹⁷ *Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 43.

¹⁸ См.: *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л., 1929. С. 22.

¹⁹ Цит. по: *Очерки истории Ленинграда: В 4 т. М.; Л., 1955—1964. Т. 3. С. 979.*

²⁰ См.: *Дрезен А. К.* Большевизация Петроградского гарнизона. Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. IV; *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905—1917 гг. С. 174—175.

²¹ *Kerensky A. F.* Russia and History's Turning Point. New York: Duell; Sloan and Pearce, 1965. P. 17.

²² *Милюков П. Н.* История второй русской революции: В 3 т. София, 1921—1924. Т. 1. С. 24.

²³ *Florinsky Michael T.* The Fall of the Russian Empire. New York: Collier Books, 1961. P. 88.

²⁴ Достаточно детально экономические последствия войны для России рассматриваются в работе: *Florinsky M.* The Fall of the Russian Empire.

²⁵ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 33—34.

²⁶ См. там же. С. 35.

²⁷ Данное описание Февральской революции основывается на материалах следующих работ: *Авдеев Н.* Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь — апрель. М., 1923; *Заславский Д. О., Канторович В. А.* Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 год. Февраль — май. Пг., 1924; *Шляпников А.* Семнадцатый год: В 4 т. М.; Пг., 1923. Кн. 1; *Очерки истории Ленинграда. Т. 3; Chamberlin W. H.* The Russian Revolution. Vol. 1.

²⁸ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. П. Н. Мордвинова. М.; Л., 1957. С. 21.